

Солидарность как утопия

В.М. Межуев,
доктор философских наук

Мне как представителю неточных наук ясно, во что упираются мои споры с представителями точных наук. Мы по-разному отвечаем на вопрос «что есть человек?». Для одних человек по своей природе — скотина, животное, которому требуется хозяин, пастух в лице Левиафана или чего-то еще. Так думал Гоббс, будучи не очень высокого мнения о человеке, но зато хорошим математиком. По-другому думал Локк, полагая что человек по природе есть общительное и доброжелательное существо. Его больше тянуло к моральным наукам. Первый прославил абсолютную монархию, второй считается основоположником либерализма.

Люди и сегодня расходятся в понимании этой проблемы. Естественники склонны видеть в человеке природное существо, которое можно точно измерить и исчислить, гуманитарии — сверхприродное, невыводимое целиком из природы. Возможно, гуманитарии при определении сущности человека пользуются неточными, с точки зрения естественников, терминами — «дух», «культура», «мораль», «свобода» и пр., но, как мне кажется, математическая точность убила бы в человеке все человеческое.

Мне представляется, что проблема солидаризма обсуждается в наше время как альтернатива частному существованию человека в мире капитала, где каждый тянет одеяло на себя. Победа частного начала во всех сферах жизни — главный итог развития всей западной цивилизации. Все концепции солидаризма возникли как протест против отождествления индивида с буржуа, живущим своим частным интересом. Если человек — существо общественное (а это вряд ли можно оспорить),

то концепция солидаризма, как я ее понимаю, это еще одна попытка ответить на вопрос, в чем состоит его общественная природа. Ответив на него, можно ответить и на все остальные.

Что действительно можно противопоставить частному, приватному существованию людей? Какой другой образ жизни? Тождественно ли общественное частному, как полагают все либералы, или оно имеет другую природу? И в качестве кого люди испытывают чувство солидарности друг с другом — в качестве частников или каких-то других существ? Пока ответ на все эти вопросы не найден, все, о чем здесь говорил докладчик, остается в области благих пожеланий. Что сможет побудить людей солидаризироваться друг с другом? Мы здесь, на семинаре, за этим столом порой не можем ни о чем договориться, а как же договариваться в масштабах всего общества? Выдвинутая когда-то идея общественного договора — наиболее внятная для меня концепция солидаризма, но даже она у нас почему-то не срабатывает.

Подлинная — не классовая, национальная, партийная, корпоративная, цеховая и пр., а общечеловеческая — солидарность возможна при условии, что каждый индивид равен не части, а целому, универсален в своих проявлениях, т. е. абсолютно равен другому индивиду. Не верю в солидарность между бедными и богатыми, сильными и слабыми, умными и глупыми, талантливыми и бездарными, варварами и цивилизованными людьми. Пока существует неравенство, солидарность достижима лишь насильственным путем, по принуждению. Добровольная солидарность может быть основана только на равенстве людей. Но так, наверное, никогда не будет, хотя к этому необходимо стремиться. Солидарность — не картина настоящего или будущего состояния мира, а вектор исторического движения. Можно говорить об относительном росте солидарности, но не о полной ее реализации. В этом смысле идея солидарности — утопия. Но без утопии нет и истории. В истории без утопии вообще ничего не происходит. В качестве утопии защищаемую нашим докладчиком идею можно и принять.